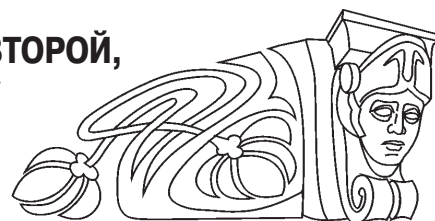

УДК 821.161.109-312.6+929Солженицын

«...ВО ФРАНЦИИ Я ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ КАК НА ВТОРОЙ, СОВСЕМ НЕОЖИДАННОЙ РОДИНЕ»: К ВОПРОСУ О МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Г. М. Алтынбаева

Алтынбаева Гульнара Монеровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, gulnarama@gmail.com

В статье, приуроченной к 100-летию А. И. Солженицына, представлен взгляд писателя на Францию 1970-х гг., французских СМИ, французскую историю. Внимание обращается на мировоззренческие причины особого отношения Солженицына к Франции.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, «Угодило зернышко промеж двух жерновов», Франция, мировоззренческая география писателя.

“...In France I Felt as Though at a Second, Quite Unexpected Home”: To the Question of the Worldview Geography of A. I. Solzhenitsyn

G. M. Altynbayeva

Gulnara M. Altynbayeva, ORCID 0000-0001-5168-7138, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, gulnarama@gmail.com

The article is written on the occasion of A. I. Solzhenitsyn's 100th anniversary. It presents the writer's view on France of the 1970s, on the French, their mass media, French history. It is noted that Solzhenitsyn's special attitude to France had been determined by reasons of his worldview.

Key words: A. I. Solzhenitsyn, “The Little Grain Managed to Land Between Two Millstones”, France, worldview geography of the writer.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-205-209

В 2018 г. отмечается 100-летие со дня рождения Александра Исаевича Солженицына. Хотя творчество его активно изучается не одно десятилетие, есть важные страницы биографии писателя, еще не ставшие предметом исследования.

В 1974 г. Солженицын был лишен советского гражданства и выдворен из СССР. Первые годы он провел в Европе, часто выступал перед журналистами, много путешествовал. Мы обратили внимание, что выбор стран, городов, мест для посещения не был случайным. Большая часть творческой жизни Солженицына была посвящена написанию эпопеи «Красное Колесо». Материал, как говорил сам Солженицын, диктовал. В первую очередь, именно ради поиска источников для «повествования в отмеренных сроках» он побывал в Швейцарии, Германии, Норвегии, Швеции, Ита-

лии, Испании. Франция занимает особое место в этом ряду, отношение к ней предопределено было, на наш взгляд, мировоззрением писателя.

Тема «Солженицын и Франция» имеет давнюю историю. Во-первых, с Францией Александра Исаевича Солженицына связывают тесные литературные отношения. В 1970 г. именно французский писатель Франсуа Мориак выдвинул его на Нобелевскую премию. Первые издания книг Солженицына вышли в парижском издательстве «ИМСА-Press». Первым биографом Солженицына является французский славист Жорж Нива¹. Размышляя о Февральской революции, Солженицын подробно сравнивает ее с Великой Французской революцией. В художественных текстах писателя упоминаются не только имена французских писателей, но в повседневную жизнь героев включены вещи и предметы французских марок как непреходящий атрибут времени. Наконец, в «очерках изгнания» «Угодило зернышко промеж двух жерновов»², которые писались на протяжении всех 20 лет изгнания, неоднократно фигурирует Франция.

Цель данной работы – показать Францию как одну из важнейших точек в мировоззренческой географии Солженицына.

27 декабря 1974 г. Александр Исаевич и Наталья Дмитриевна Солженицыны впервые приехали в Париж. Это был не чужой для них город, так как там ждали друзья – Никита Струве и о. Александр Шмеман. «27 декабря, только вышли мы с Восточного вокзала (ошеломленными глазами боясь допустить, что вот эти серые дома и узкая улица, по которой мы поехали, и есть тот самый Париж, исчитанный с детства)» (1998, 9: 99).

Следующие дни Солженицын вел сложные переговоры с издателями, а между встречами гулял по Парижу и предместьям.

В «Зернышке» читаем: «Встретить в Париже Новый год. Аля едет в Париж больше как человек естественный: смотреть неповторимый заманчивый город, набережные, бульвары, картинные галереи, Нотр-Дам, живые легенды. А мне – по сжатым срокам моим и по объему ребер – да куда ж это все вместить бы? Я и тут – с деловой, “революционной” целью: мое – это Париж русской эмиграции, какой он увиделся и достался нашим горьким послереволюционным эмигрантам, – не сплошь всем, не тем, кто бежал, спасаясь, а той белой эмиграции, которая билась за лучшую долю России и отступила с боями. Это тоже – часть моего “Колеса”, это все туда входит: Париж Пер-

вой эмиграции, как она выживала тут полвека и больше, как исстрадалась и умерла. Коснуться русского Парижа» (1998, 9: 98–99).

Именно поэтому в программе пребывания Солженицына значатся встречи с первыми эмигрантами, поиск знаковых мест, знакомства, порой случайные, с людьми из первой волны русской эмиграции, вообще непрерывные мысли писателя «о связанности Парижа с русской эмиграцией»³.

Франция для Солженицына – прежде всего воплощение свободы, поэтому, путешествуя по этой стране, он во всем старается найти проявление этого состояния: в сравнении французской и русской историй («И если бы явление нашей Февральской революции никак бы не соотносилось с подобными же западными революциями, течениями и мировоззрениями. Но, пусть тысячекратно худшая, чем на Западе, неудачная, нелепая – а все же той она была природы, напоминала и французские 1830 и 1848» (1999, 2: 68)), государств («А ведь и у нас в России сколько было независимых городов! Надеюсь – будут еще» (1998, 9: 104)), наций, обычаев.

Отдавая должное великой истории Франции, показывая свое о ней знание, на страницах «Зернышка» Солженицын пишет о линии Мажино (1998, 9: 104), о пути Наполеона с Корсики в Париж (1998, 9: 108), о могиле Шарля Де Голля под Парижем (1998, 9: 104), о Вандее⁴ (2003, 11: 87–88).

События первых дней в Париже навсегда останутся в воспоминаниях Солженицына: «Поместились мы в Латинском квартале на улице Жакоб (рядом с издательством “Сей”) – в единственном изолированном мансардном номере, куда доводила круглая лестница как корабельная и с морским канатом вместо поручня. Мансарда была достойно-парижская, из окна одни крыши и каменные колодцы дворов. Погонял я по Парижу тоже немало, все пешком, еще сохраняя ноги и обычай юности (тут примешивается в память и второе посещение Парижа, той же весной, и еще третье, через год), кажется и видел все главное, вобрал – не настолько, чтоб делиться с читателем, а чтобы хватило самому. (Лучший день тут был – прогулка с о. Александром Шмеманом, знатоком и города и истории его, – он вел меня и, по мере встречных мест, попеременно проводил то через Париж Людовиков, то через Революцию большую, революции малые, войну прусскую, Мировую первую, 30-е годы, немецкую оккупацию, да и те самые “русские” кварталы, к которым влек меня главный интерес.) Всю мою советскую юность я с большой остротой жаждал видеть и ощутить русскую эмиграцию – как второй, несостоявшийся, путь России» (1998, 9: 99).

В «Дневнике» о. А. Шмемана есть такая запись: «Понедельник 30-го. Рано утром еду к Струве в Villebon и втроем – с Солженицыным и Никитой – едем на русское кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Полтора часа! Солженицын

очень взволнован, особенно “военными могилами”: записывает имена, надписи. “Ведь это – все мои отцы, его поколение!.. Там погибшее под сталинскими глыбами, и вот – здесь – в изгнании!”»⁵.

Сам Солженицын описывает эту поездку с горечью: «...главная ее [эмиграции] масса, воинов, мыслителей или рассказчиков, не дождавшись меня, уже вся залегла на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. И так мое опозданное знакомство с ними было – в сырое, но солнечное утро, ходить по аллеям между памятниками и читать надписи полковые, семейные, частные, знаменитые и безвестные». После этого были посещение «инвалидного дома по соседству с кладбищем», беседы с адъютантом Деникина полковником Колтышевым, в Морском собрании – общение с двумя адмиралами и тремя полковниками Первой мировой войны. «Еще в разных местах Парижа навещал я старичков с памятью того времени, даже крупных по своим бывшим постам, или ездил к бережливым монархистам посмотреть в квартирке сохраненный уникальный фильм о царской семье. И ко мне в номер приходили старики, тогдашние молодые офицеры, рассказать перед магнитофоном впечатления революционных дней, деформированные сумраком полувека. Еще повидал я и сына Столыпина» (1998, 9: 99). И, конечно, общение с «невидимками»: «... в наш мансардный гостиничный номер приходили к нам “невидимки” – Степан Татищев, Анастасия Борисовна Дурова, кто так основательно нам помогла, однако даже имя ее мне не называлось прежде, а теперь она весело рассказывала о подробностях своей конспирации» (1998, 9: 100).

Русские люди повсюду окружали Солженицына. Неожиданно портье гостиницы оказался не Жаном, а Иваном Федоровичем. В русском ресторане «Доминик» на Монпарнасе, где Солженицын, Шмеман и Струве с семьями встречали Новый год, был «старый русский официант, высокий статный мужчина, наверно бывший офицер», он «в полночь надел для смеха публички дурацкий колапак и пытался смешить, едва ли не кукарекая. Сердце разрывалось от такой веселой встречи» (1998, 9: 100). Возникшую горечь и волнение за судьбу простых эмигрантов перебивали вдохновляющие, теплые, часто солнечные пешие прогулки по Парижу с братьями Шмеманами, со Струве.

Вместе они посетили русскую типографию Лифаря («это открытый двор, открытый амбар, куда может в любое время всякий свободно зайти и ходить между незагражденными стопами набора» (1998, 9: 100)), русское издательство «УМСА-Press» («немало сотрудников толпились избыточно в книжном магазине <...>. В самом же издательстве в тот год не было ни одного редактора, ни постоянного корректора» (1998, 9: 100–102)), улицы, проспекты города, музеи, набережную Сены, дворцы Версаля, Шартра, Лувра, попутно – завтраки, обеды, ужины в уютных французских кафе и ресторанах.

А. Шмеман потом запишет у себя в Дневнике: «Сначала он [Солженицын] захвачен Парижем, особенно историческим (где что случилось...), радостен, порывист. Но под вечер, когда стояли на горе над Парижем, вдруг как бы затянулся грустью, сжался, ушел в себя, погас. Долгое – странно-задумчивое – хождение вдоль тиров и балаганов на Pigalle. Впечатление, что он внезапно физически ощущает страшную тяжесть, лежащую на нем. Тяжесть, от которой он как-то “темнеет”»⁶.

Не удовлетворившись результатами издательских переговоров, наполнившись тяжелыми раздумьями, простудившись, уезжал первый раз Солженицын из Парижа 4 января 1975 г.

Но весной того же года вновь решился с женой на путешествие по Франции. Впечатление прямо противоположное. В марте 1976 г. в интервью «Франс Суар» Солженицын признался: «... во Франции мне самой приятной кажется французская провинция»⁷. Устав от немецко-швейцарских нравов, супруги Солженицыны на автомобиле словно вырвались на свободу: «Первые же часы во Франции почувствовали мы рассвобождение от какой-то утомительной обязательности, сковывающей в немецкой Швейцарии. И еще – эта полупустота пространств, в заброшенном грязном леске – вдруг мусорная куча (Швейцария б такого не выдержала час!), – простота, которой не ждешь от Европы, да незаселенность, которой из Союза вообразить нельзя: нам оттуда представляется вся Европа сгустившимся людским роем. Нарядный острый легкий разнообразный Страсбург, пересечение французского и германского духа (для европейского парламента вряд ли лучше и придумать место). Обаятельное игривое Нанси с дворцовой площадью лотарингских королей, королевским парком и бульваром лихих балаганов (мы попали на день ярмарки). Всего двух таких провинциальных городов уже довольно, чтобы почувствовать: только та и страна, какая не исчерпывается своею столицей, и даже Франция, о, далеко не вся – Париж» (1998, 9: 104).

Вновь следуя своей давней задаче узнать Францию первых эмигрантов, Александр Исаевич съездил в Грасс («где доживал Бунин» (1998, 9: 108)), на кладбище русского экспедиционного корпуса под Мурмелоном («могилы, могилы» (1998, 9: 104)), посетил вечернюю службу в местной церкви. Но останется навсегда на страницах «очерков изгнания» трудный вопрос: «По какому государственному безумию, в какой неоглядной услужливости посылали мы сюда истрачивать русскую силу, когда уже так не хватало ее в самой России? зачем же наших сюда завезли погибать?» (1998, 9: 105). Думается, в «Красном Колесе» автор хотел дать ответы.

Откровенно не только признается Александр Исаевич в своей любви к Франции («уединенное мирным охватом, отдыхало сердце совсем как на родине» (1998, 9: 104)), но с радостью преодоле-

вает и сложившиеся стереотипы («С Францией я испытал ошибку: <...> настолько Францию, живя в СССР, я всегда считал себе противопоказанной, не по моему характеру, куда чужей Скандинавии, Германии, Англии, – а вот тут стало мне ласково, нежно, естественно, – если жить в Европе, то и не нашел бы лучше страны. И даже вовсе не соборы грозные – Реймса, Шартра, Суассона, и не дворцы Версаля и Фонтенебло, но медленная жизнь крохотных безвестных городков, но благо-родно-мягкие рисунки полей, лесков с омелами, серый камень длинных садовых оград, да все непридуманное французское земляно-серое каменноустройство» (1998, 9: 104)).

Единственное, что огорчало Солженицына в его «бродьбе» (его определение. – Г. А.) по Франции, – незнание французского языка. Потом именно это станет решающим препятствием в выборе страны для дальнейшего житья. Выбирая знаковые места для поездок, откликаясь на просьбы французских журналистов об интервью, решая издательские проблемы, постепенно Солженицын открывает для себя и для своего читателя настоящую, преданную писателю Францию, духовно ему близкую. Но и опять, как в первый приезд, он не сможет победить в себе чувство языковой беспомощности: «Да ни за что из Европы не уезжать! И правда, какой нормальный человек уедет от этой многообразной красавицы, сплоченной древности и культуры? Но позволь, но мы уже решили: не жить нам в Европе, не дадут мне там спокойно работать, везде достанут; и кроме Франции нигде не хочется, а там – язык» (1998, 11: 122); «Именно Франция, закрытая мне по языку для жительства» (1998, 9: 105).

Несмотря на жесткий график пребывания во Франции, все же были временные промежутки, когда Солженицын просто отдыхал, старался анонимно, не узнав побывать в разных местечках («...ехать дальше как можно долее анонимно, нигде не открывая следов. <...> трудно не узнать» (1998, 11: 147)). И записи этих непродолжительных «отпусков» полны живописных красок: «...особенно прелестна мягко-холмистая восточная Франция» (1998, 9: 104); «редчайшие для меня дни – чистого отдыха безо всякой цели, даже безо всякой задачи глазам и наблюдению, а если что и записывает перо, то механически, от вечного разгона» (1998, 9: 106); «буквально очарован» юго-восточной и восточной Францией; «сохраняемый в первозданности средневековый городок Сен-Поль-де-Ванс <...>, крутые переулки, мощенные морской галькой»; «каменистые, малопродуктивные холмы Прованса, уже сейчас, в апреле, сухие под солнцем, но всюду сизые пучки лаванды, еще залет она лилово-синим эти поля, а душистый ее настой и сейчас продается проезжим в одиноких придорожных ларьках. Всякому земному месту отпущен свой дар» (1998, 9: 108).

Кроме описаний французских топосов и लोकусов, Солженицын, знаток русского характера, не

мог не оставить своих наблюдений над французами и своего отношения к французскому менталитету.

Знаковым для Солженицына является «французский вкус»: «Стоит у дороги кусок старой каменной стены с проломами. Доломали б ее и свалили? – нет: в один проем поставили древнюю амфору, и стена зажила как памятник, французский вкус! Или: крестьянский каменный арочный сарай, так и остались видны старые стропила, балки, в более разрушенной части – старые жбаны, крестьянская посуда, в каменное корытце стекает струйка родника, – а более сохранившуюся остеклили по-современному, и в одном помещении сразу – печь, ресторан, тихая классическая музыка, две скромные девушки-официантки, а меню написано в ученической тетрадке от руки. Французский уют!» (1998, 9: 108).

Близко пообщавшись со своими французскими переводчиками, Солженицын запишет в «Зернышке»: «Насколько несчастлив я был со многими переводами на многие языки (и многих уже не проверить при жизни) – настолько счастлив оказался с переводчиками французскими. <...> ... все – достаточно осведомленные о советской жизни и ее реалиях, не небрежные ни к какой неясной мелочи и, кажется, все – изрядные стилисты в своем родном. Единство же их обучения привело к значительному сдружению переводов» (1998, 9: 105).

В издатель Роле Фламане Александр Исаевич обнаружит «интеллектуала с давней усвоенностью и разработанностью культуры, как это бывает особенно у французов» (1998, 11: 119); в другой раз вспомнит свое впечатление от знакомства с первым живым французом – «с аристократическим закидом головы и манерою говорить» (1999, 2: 123); всю жизнь будет благодарен своим «терпеливым» французским читателям (2001, 4: 101), которые «очень часто узнают, но весьма дружелюбно и неназойливо»⁸; напомним самим французам их главное качество – «французская коммунистическая партия состоит прежде всего из французов и в случае угрозы французской свободе она будет биться до последней капли крови за Францию!»⁹, вновь удивится их «рассвобождению» и простоте.

Но Солженицын, строгий к себе, требователен и к французам. Так, отмечая «ироничность» как характерную черту французского менталитета, не молчит, когда французы ей изменяют («В Компьенском лесу – отказала французам ирония: сохранена обстановка капитуляции немцев в 1918 – и ни полунамека, как обратный спектакль был повторен в 1940» (1998, 9: 105)). Помня, благодаря французским авантюрным романам, о горячности французов в прошлые времена, Солженицын с удивлением находит эти черты и в своих собеседниках («К счастью, Клод Дюран из “Сея”, ведущий все мои литературные дела, очень хладнокровен и даже дерзок, есть в нем дуэлянтство бывалых французов» (1998, 11: 141);

«Французы остры и успевают потрепать друг друга оскорблениями» (2000, 9: 171)). Не принимает Солженицын ни разгульности французов («давка корреспондентского коктейля», «огромная студия, похожая на цирковые кулисы, сотни людей, гул, неразбериха» (1998, 9: 105)), ни показной сдержанности («А вот и Авиньон, папский дворец времен их пленения, девять папских портретов – да что-то холодны, жестоки. Да, эту Францию никогда не пересмотришь...» (1998, 11: 152)).

При всех свободных личных впечатлениях от Франции в солженицынских записях то и дело проскальзывают предостерегающие аллюзии даже там, где не ожидаешь: «Сколько уж, кажется, я Францию видел, а – все новое, все новое глазу, и пластами нагромодились века, короли, полководцы. Замки, замки – Амбуазский, Шверни, Шамборский. Анжуйские графы, предшественники Плантагенетов. Здесь комната Генриха II, там сундук Генриха IV, здесь родился и умер Карл VIII. И неужели все эти замки (иные – даже во Французскую революцию не конфискованные, отстояли себя, собравши верных) еще будут инвентаризовать коммунисты, которых многие французы не первый раз ожидают ко власти?» (1998, 11: 147).

Незадолго до возвращения в Россию, в 1993 г. Солженицын предпринял прощальную поездку по странам Европы, в том числе и по Франции, где ему, «как всегда, <...> особенно тепло» (2003, 11: 87). Навсегда запомнились приветливые, благодарные и открытые французы. Уезжая, Солженицын напишет: «... уж двадцать лет повелось, что во Франции я чувствовал себя как на второй, совсем неожиданной родине» (2003, 11: 87).

В 2000 году Солженицын станет лауреатом Большой премии Французской Академии моральных и политических наук. В речи в Посольстве Франции в Москве писатель скажет: «Я благодарен Академии <...> за оказанный мне почет. Я вижу в том проявление постоянного внимания и сочувствия, которые неизменно оказывает мне французская общественность вот уже 40 лет. И проявление традиционной теплой русско-французской связи»¹⁰.

Примечания

¹ См.: *Нива Ж. Солженицын / пер. с фр. С. Маркиш в соотр. с авт.; предисл. И. Виноградова. М., 1992; Его же. Александр Солженицын: Борец и писатель / пер. с фр. В. А. Петрова в соотр. с авт. СПб., 2014.*

² *Солженицын А. Угодило зернышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть первая (1974–1978) // Новый мир. 1998. № 9, 11; 1999. № 2; Часть вторая (1979–1982) // Новый мир. 2000. № 9; Часть третья (1982–1987) // Новый мир. 2000. № 12; 2001. № 4; Часть четвертая (1987–1994) // Новый мир. 2003. № 11. Далее цитируется это издание с указанием года, номера журнала и страницы в скобках.*

³ *Солженицын А. Пресс-конференция в Париже (10 апреля 1975) // Солженицын А. И. Публицистика: в 3 т.*

- Т. 2 : Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль, 1996. С. 256.
- ⁴ См.: Солженицын А. Слово о Вандейском восстании (Вандея, 25 сентября 1993) // Солженицын А. И. Собр. соч. : в 9 т. Т. 8 : Публицистика : На Западе. 1990–1994 ; В России. 1994–2003. М., 2005. С. 108–111.
- ⁵ Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983 / сост., подгот. текста У. С. Шмеман, Н. А. Струве, Е. Ю. Дорман ; предисл. С. А. Шмемана ; примеч. Е. Ю. Дорман. М., 2005. С. 143.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Солженицын А. Из интервью газете «Франс Суар» (10 марта 1976) // Солженицын А. И. Публицистика. Т. 2. С. 416.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 414.
- ¹⁰ Солженицын А. Перерождение гуманизма : Речь при вручении Большой премии Французской Академии моральных и политических наук (13 декабря 2000) // Солженицын А. И. Собр. соч. : в 9 т. Т. 8. С. 510.

Образец для цитирования:

Алтынбаева Г. М. «... Во Франции я чувствовал себя как на второй, совсем неожиданной родине»: к вопросу о мировоззренческой географии А. И. Солженицына // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 205–209. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-205-209.

Cite this article as:

Alтынbayeva G. M. “... In France I Felt as Though at a Second, Quite Unexpected Home”: To the Question of the Worldview Geography of A. I. Solzhenitsyn. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 205–209 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-205-209.